

- Эй, Билл...
- Нет, Билл – это ты, а я Джо! Совсем мозги спеклись, старик?

Солнце недвижно висело в зените – безучастное, как заскучавший на посту часовой. Прижав ухо к растрескавшейся земле, Билл поморщился и вскинул руку в недвусмысленном «Не будешь ли ты так любезен заткнуться хоть на минутку, малец?», затем рывком поднялся, шляпой отряхнул колени от пыли и, утерев пот со лба рукавом, водрузил ее на место.

- Туда. – Он махнул в направлении терракотовых скал по ту сторону каньона.
- Тебе-то почему знать? – Привалившись к тому, что осталось от повозки, Джо с самым независимым видом изучал карту.

Билл ухмыльнулся одним уголком тонкого рта: слегка раскосые, его глаза сощурились, и отголоском индейской крови в этом взгляде мелькнула характерная надменность. Он принялся молча распрягать лошадь.

- Какого черта ты делаешь? – встрепенулся Джо.
- А на что это, по-твоему, похоже? – Билл отцепил седло и закинул его на плечо. – Поезд будет там к вечеру, малец, и если только ты не хочешь провести здесь веселую ночьку в компании своих новых друзей, нам лучше пошевелиться.

Носком сапога он поддел коровий череп; из пустой глазницы показалась змея.

- Ты отлично нам послужила, девочка. – Билл хлопнул лошадь по крупу и решительно зашагал в сторону ущелья.

* * *

Позвякивая при каждом шаге случайным, невдомым содержимым карманов и вообще всем своим, от шпор до самой шляпы, многослойным облачением, Джо нагнал его уже у подвесного моста. Запыхавшись, он остановился на краю и долгим взглядом проводил отправленный вниз плевок, затем поднял глаза на широкую спину своего спутника, невозмутимо продвигавшегося вперед – точно прогуливавшегося по знакомой улочке.

- Разговариваешь с лошадьми, старик? – Джо опасно ступил на первую дощечку, словно пробуя воду, и поежился: посреди зноя со дна неприятно веяло холодом.
- Обычно мы понимаем друг друга без слов, – откликнулся Билл не оборачиваясь. – Тебе бы тоже не помешало иногда обращать внимание на...
- На что? – перебил его Джо, стараясь не смотреть вниз и на ощупь шаря ногой в поисках следующей ступеньки. – На эту чертову сплошную колдобину, которую здесь называют дорогой?

Громоздившееся вдалеке нечто, принятое им сперва за горную гряду, теперь стремительно приближалось. Вздываясь до самого неба и сметая все на своем пути, необъятная масса песка и пыли сплошным валом ползла прямо на них.

кует твой дружок. Он интересуется, *куда хозяин намерен девать награбленное, уж не в ту же ли шляпу?*

– Набыю им твоё чучелко, – огрызнулся Джо. – Есть идеи получше?

– Говорит, знает пару укромных пещер в горах неподалеку отсюда, – доложил Билл. – *«Но твой дом, хозяин – это твоя память».*

На этих словах койот вывалился из бурьяна, чтобы пометить корягу на обочине, после чего обвел их обоих пристальным взглядом, потянул воздух носом и шумно чихнул.

– Будь здоров, – машинально бросил Джо, и вдруг вся скопившаяся усталость разом навалилась на него.

Солнце намертво застряло на прежнем месте и, будто длящаяся магниевая вспышка, выжигало и делало все под собой как бы плоским. Джо отставал, еле ворочая ногами, – блеклая сепия непроходимого пространства обволакивала их тугой пеленой, каждый шаг через которую давался все тяжелее. Когда Билл окликнул его, он был уже по пояс в зыбучем песке.

– Спокойно, парень, – Билл размотал лассо. – Такое случается даже с лучшими из нас! Не суетись только, сейчас мы тебя вытащим.

– Отличный, на хрен, совет, Билл. – Джо барахтался в вязкой жиже. – Просто замечательный! Да ты не торопись, я чудесно провожу здесь время.

Койот без прорыва скакал вокруг, твякая и срываясь на вой, но вдруг замолк, насторожил большие уши и, поскуливая, стал пятиться назад.

– О, да ради всего святого, уймешься ты, или... – взмолился было Джо, но, подняв взгляд, резко похолодел. – Чтоб меня...

Громоздившееся вдалеке нечто, принятое им сперва за горную гряду, теперь стремительно приближалось. Вздываясь до самого неба и сметая все на своем пути, необъятная масса песка и пыли сплошным валом ползла прямо на них.

– Брось меня, – тихо выдохнул Джо и повторил, уже тверже: – Бросай меня, старик, и спасайся сам!

Лассо взвилось вверх затейливой виньеткой и обхватило его за талию.

– Черта с два, малец. – Билл с силой потянул на себя, упираясь в крупный валун. – Не дожدهшься! Веревка заскрипела от натуги, но Джо не тронулся и на четверть дюйма.

– Старый дурак! – взревел он. – Что толку, если мы оба здесь сгинем?

– Никто не сгинет сегодня, – отрезал Билл. – Нам ведь еще на поезд надо успеть, не забыл?

– Есть немного. – Джо скривился в горькой усмешке. – Моя память пещера, или как там?

– Твоя память – твой дом, – пыхтя и отдуваясь, поправил Билл.

Он нашел глазами койота. Топорща косматый подшерсток и скалясь, тот поминутно заходил лаем, будто сиюсь отпугнуть бурю.

– Он говорит, – Билл поднял бандану по самые глаза, защищаясь от поднявшейся в воздух пыли, и крепче перехватил веревку, – он говорит: *«Как твоя матушка не выбирает специального дня, чтоб запастись нужными в хозяйстве мелочами, а просто всегда имеет в виду домашние хлопоты, и потому в разгар лета не пройдет мимо приглянувшегося рождественского подсвечника, и прихватит заодно моток ниток впрок, если пряжа добротная, и сверток твоих любимых леденцов в придачу, даже когда ты так далеко...»*

Казалось, сам горизонт встал на дыбы: туча подступила вплотную, и в ней стали различимы отдельные завихрения – схлестываясь друг с другом, клубясь, они бурлили и перекачивались уже совсем рядом, неся за собой прелый запах дегтя, сена, сырого войлока и кирпича. У Джо закружилась голова.

– Ты был отличным напарником, старик, – еле простонал он.

Не обращая внимания на его протесты, Билл продолжал вещать, перекивая налетевший ветер:

– *«...Так и тебе следует быть начеку, чтоб ухватить навсегда этот день, и этот воздух, и все, что им дышит: из далекого птичьего крика, из запаха едва погасшей свечи, из еще нераспечатанного*

– Опять валит, туда-сюда! Ну, Маринка, привезли вы погоду. А, ты поглядь – никак очухался наш сонный тетерев?

Голос принадлежал сухопарому немолодому индейцу в драной ватной фуфайке – глубоко проваливаясь в сугробы, он тянул за собой санки, в которых, недоверчиво выглядывая поверх пары набитых сумок, катился малец.

– Ну, чего насупился, как не свой? Ай не узнал, куда-сюда? Забыл уже, как прошлой зимой на дальнем озере карасиков из лунки таскали с тобой?

Малец сонно осматривался по сторонам, свесившись с саней набок. Обогнав их со спины, мама наклонилась стряхнуть снег ему с капюшона и полусшепотом пристыдила:

– Как не совестно, проснулся – вставай! Экий баярин, свои ноги есть, чего это дядюшка тебя тащить должен?

Индеец оглянулся, ощерив беззубый рот:

– Да пушай его катится, разве жалко, туда-сюда! Вот как буду старый – тогда уж он и сам меня покачает. Покачаешь дядю Алика, а, молодой человек? – с деланой серьезностью поинтересовался он и отпустил санки, подтолкнув их с освещенного редкими сельскими фонарями пригорка. – А мы извелись тут уже, расписание проверили раз пятьдесят, тетушка вся на ушах, туда-сюда, погнала меня на станцию звонить – а там говорят, мол, отменили вашу пересадку и самих вас след простыл. Вот те на, понимаешь, уж не знали, что и думать, туда-сюда.

– Ну так здесь и думать нечего, не буду же я с ребенком сидеть там среди этой алкашни станционной весь вечер. – Вскинув подбородок, она шагала как городская, не смотря под ноги, но на удивление ловко переставляла их в снегу по колено. – Разузнала в справочном, мне ясно сказали: никаких электричек раньше десяти. Заняла местечко, багаж оставила в буфете, и отправилась с ним в экспедицию по Малой Вишере.

– Поди замерзли, туда-сюда? – Индеец помог мальцу вызволить санки из кювета у чьего-то штакетника. – Ничего, сейчас щами теткиними питаешься, а я пока баньку справлю, туда-сюда, глядишь, и отогреется.

– Разбалуетесь, дядюшка! Хотя твоя правда, почти три часа в потемках там круги наматывали, как тут не подмерзнуть. Хорошо еще, термос чаю горячего был с собой и бутербродов с котлетами догадалась нарезать из дома. Под конец только этот пионер набрел на яму какую-то, снегом заporошенную, завалился – так насилу вытащила,

и сразу же еще самая метель налетела. Но там уже состав подали – кое-как впахнулись, добрались, и то ладно.

* * *

Внутри вигвама было жарко натоплено.

– Вымахал-то как, – захохла седая хозяйка, развешивая их отсыревшую одежду над печкой, в которой среди догоравших головешек томилась внушительных размеров закоптелая кастрюля. – Скоро дедовы портки в пору будут! Марин, посмотри ему переодеться во что, я там Денискиных вещей положила в комнате.

За покрытыми морозным узором двойными стеклами окон завывала вьюга – с той стороны они были чуть не до середины завалены снегом, из-за чего снаружи дом выглядел совершенной землянкой. В действительности же это был добротный деревянный сруб; бревенчатые стены небольшой кухоньки были увешаны целыми полками всех воображимых припасов до самого потолка, под которым сушились еще косички лука и гирлянды грибов. Малец нерешительно мялся на пороге, разглядывая дырку в носке.

– Ну-ка тепло не выпускай мне, прикрой дверь-то, – командовала женщина. – И портянки свои тоже снимай, пускай сохнут.

– Прости, тетушка, он у нас часто в облаках витает. – Мама вернулась с парой потертых «левайс» в руках и, затворив дверь, пригласила взерошенные волосы мальчика. – Голова с крылышками, так и норовит улететь, хоть за веревочку привязывай.

– Ахти тошно, ноги-то у него какие красные! Не дай бог отморозил, надо растереть хоть. – Тетушка запустила руку в простенок за буфетом. – Где-то тут у меня была заначка.

Старый индеец высунулся из-за двери и поманил мальчика.

– А такое не забыл? – Он протянул ему сложенную шахматную доску. – Помнишь еще, как ферзь ходит, туда-сюда?

– Ну кто там опять дверьми хлопает, – негодовала тетушка. – Алик, ты? Чего доцарапался со своими шахматами, дай в себя прийти ребенку, вишь – все ноги обморозил. – Она вдруг прищурилась: – А не ты ли, дьявол, бутылку свистнул?

– Какую-такую бутылку? – испуганно переспросил индеец, прячась за дверь. – Не видел я никакой бутылки, я в твой буфет вообще не лазил, туда-сюда.

– Ах ты, окаянный. – Она всплеснула руками – Что ты там про баню говорил? Шуруй топи, хоть там отогреются, раз кое-кто всю брагу выпил.

– Эх, ни туда ни сюда, – донеслось уже из-за двери. Тетушка разлила суп по тарелкам и, пользуясь возможностью выговориться, причитала дальше.

– Куда только ни спрячу, везде находит! Не знаю, что с ним делать, на прошлой неделе вот, огрела его уже. – Она показала вмятину на дне алюминиевого тазика, в котором полоскала посуду. – Так он грохнулся на пол и знай лежит. Думаю, все, добила грешного – ну, поплакала, да засобиралась уже сдаваться идти, из прихожей только оглянулась последний раз, а он сидит как ни в чем не бывало на этом самом месте и гриб пьет, потешается надо мной. Будете, кстати?

Не дожидаясь ответа, она нацедила стакан мутно-коричневой жидкости из прихваченной марлей трехлитровой банки, на поверхности которой покачивалось слоистое нечто, и поставила его перед мальцом. Покончив с супом, тот кормил шахматного коня хлебными крошками со стола и с ужасом уставился на это угощение, когда услышал заговорщический шепот нагнувшейся к нему мамы.

– Индейское зелье! – Она сделала глоток. – Да не дрейфь, почти как твой имбирный эль.

Тетушка слила в ту же в банку старую заварку из чайника и водрузила ее обратно на полку.

– Но я же не таким его встретила, – продолжала она. – По молодости-то он идейный был, на комстройку поехал вовсе непьющим, а там ему быстро внушение сделали, что, дескать, с таким именем в Союзе ловить нечего. Ну как можно было тогда сына Адольфом назвать? Ай, ладно. Расскажи лучше, как это вас угораздило? Так на узловой и застряли?

– Ну, – мама подмигнула мальцу, – такое случается даже с лучшими из нас!

Начав по новой историю про электрички и снежную бурю, она покопалась в сумке и вручила ему печенье в ярко-синей обертке. У мальчика вспыхнули глаза: в рекламе такое не влезало в рот ковбою, а слоган гласил: «Придется улыбнуться до ушей, чтоб съесть “вагон вилс”». Чтобы проверить это, предполагалось есть печенье целиком, но тогда бы от него быстро ничего не осталось.

Толстый рыжий кот вальяжно спустился с печи; путаясь в подвернутых джинсах, малец бросился за ним напрямиком в комнату. В ее глубине светился, сбиваясь помехами, пузатый телевизор, и, тут же забыв про кота, малец завороченно побрел к нему. Вскарabкавшись на кресло-качалку, он достал из

кармана вязаной жилетки потрепанного плюшевого койота из «Веселых мелодий».

На экране двое мужчин переговаривались гнусавыми голосами, верхом на паре гнедых неторопливо скача вдоль ручья по дну ущелья.

– *...Каждый раз смотрю на эти места как впервые, и каждый раз говорю себе одно и то же – только идиот сюда возвращается, – задумчиво протянул первый и махнул рукой кому-то впереди.*

– *О чем теперь думаешь? – пошевелил усами его спутник.*

– *О Боливии.*

– *Что еще за Боливия?..*

Синий фантик с изображением несущейся во весь опор лошади, запряженной в дилижанс, упал на пол.

